

Заворожѐнный пудинг. Ирландская народная сказка

Молли Роу Раферти была отпрыском – я имею в виду дочь – того самого старика Джека Раферти, который прославился тем, что всегда носил шляпу только на голове. Да и вся семейка его была со странностями, что уж верно, то верно. Так все считали, кто знал их хорошенько. Говорили даже, – хотя ручаться, что это истинная правда, я не стану, чтоб не соврать вам, – будто если они не надевали башмаков или, там, сапог, то ходили разутые. Правда, впоследствии я слышал, что, может, это и не совсем так, а потому, чтобы зря не оговаривать их, лучше не будем даже вспоминать об этом.

Да, так, значит, у Джека Раферти было два отпрыска, Пэдди и Молли. Ну, чего вы все смеетесь? Я имею в виду сына и дочь. Все соседи так всегда и считали, что они брат с сестрой, а правда это или нет, кто их знает, сами уж понимаете; так что с божьей помощью и говорить нам тут не о чем.

Мало ли какие еще безобразия про них рассказывали, даже и повторять тошно. Вот будто и старый Джек и Пэдди, когда ходят, сначала одной ногой шагают вперед, а потом уж только другой, все не как у людей.

А про Молли Роу говорили, что у нее престранная привычка, когда спит, закрывать глаза. Если это и в самом деле так, тем хуже для нее, ведь даже ребенку ясно, что когда закроешь глаза, то ничего ровным счетом не видно.

В общем–то, Молли Роу была девушка что надо: здоровая, рослая, упитанная, а миленькая головка ее горела словно огонь – это из–за огненно–рыжих волос. Потому ее и прозвали Молли Роу, то есть Рыжая. Руки и шея у нее по цвету не уступали волосам. А такого премиленького приплюснутого и красного носа вы уж наверное ни у кого не встречали. Да и кулаки – ведь бог наградил ее еще и кулаками – очень сильно смахивали на большие брюквы, покрасневшие на солнце.

И – чтобы уж до конца говорить только правду – по нраву она была тоже огонь, как и ее голова, и ничего в этом удивительного нет, ну, горячая, так ведь кто не испытал на себе сердечной теплоты всех Раферти? А так как бог ничего не дает напрасно, то здоровые и красные кулачищи Молли – если только все, что мы сказали о них, была правда – служили ей не для украшения, а для дела. Во всяком случае, имея в виду ее бойкий характер, можно было не опасаться, что они изнежатся от безделья, и на это уж имелись верные подтверждения.

Ко всему, она еще и косила на один глаз, правда, в некотором роде это даже шло ей. Но ее будущему бедняге мужу, когда бы она завела его, следовало бы на всякий случай вбить себе в голову, что она видит все даже за углом и уж, конечно, раскроет все его темные делишки. Хотя ручаться, что это именно потому, что она косая, я не стану, чтоб не соврать вам.

Ну вот, и с божьего благословения Молли Роу влюбилась. Так случилось, что по соседству с нею жил врожденный бродяга по прозвищу Гнус Джилспи, который страдал даже еще большей красотой, чем она сама. Гнус, да хранит нас всевышний, был, что называется, проклятым пресвитерианцем и не желал признавать сочельника – вот нечестивец–то, – разве что только, как говорится, по старому стилю.

Особенно хорош Гнус был, если разглядывать его в темноте, впрочем, как и сама Молли. Что ж, ведь доподлинно известно, если верить слухам, что именно ночные свидания и предоставили им счастливый случай уединиться от всех людей, чтобы обрести друг друга. А кончилось все тем, что вскоре обе семьи стали уже всерьез подумывать о том, что же делать дальше.

Брат Молли, Пэдди О'Раферти, предложил Гнусу два выхода на выбор. Говорить о них, может, и не стоит, однако один поставил–таки Гнуса в тупик, но, хорошо зная своего противника, Гнус довольно быстро уступил. Так или иначе, свадьбы было не миновать. И вот решили, что в следующее же воскресенье преподобный Сэмюел М'Шатл, пресвитерианский священник, соединит влюбленных.

А надо вам сказать, что за все последнее время это была первая свадьба между проклятым иноверцем и католичкой, ну и, конечно, с обеих сторон посыпались возражения. Если бы не одно обстоятельство, этой свадьбе никогда не бывать. Правда, дядя невесты, старый колдун Гарри Конноли, мог бы успокоить всех недовольных с помощью средства, известного ему одному, но он вовсе не желал, чтобы его племянница выходила замуж за такого парня, а потому всеми силами противился этому браку. Однако все друзья Молли не обращали на него внимания и стояли за свадьбу. И вот, как я уже говорил вам, было назначено воскресенье, которое навсегда бы соединило влюбленную парочку.

Долгожданный день настал, и Молли, как ей и подобало, отправилась слушать мессу, а Гнус – в молитвенный дом. После этого они должны были снова встретиться в доме Джека Раферти, куда после обедни собирался заглянуть и католический священник, отец М'Сорли, чтобы отобедать с ними и составить компанию пресвитеру М'Шатлу, который и должен был соединить молодых.

Дома не осталось никого, кроме старого Джека Раферти и его жены. Ей надо было состряпать обед, потому что, по правде говоря, несмотря ни на что, ожидался пир горой.

Быть может, если бы знать все наперед, этому самому отцу М'Сорли следовало, помимо обедни, совершить еще обряд венчания, – ведь друзей Молли все–таки не очень устраивало, как освещает брак пресвитер. Но кто бы стал об этом заботиться: свадьба тут – свадьба там?

И вот что я вам скажу: только миссис Раферти собралась завязать салфетку с большим пудингом, как в дом вошел разъяренный Гарри Конноли, колдун, и заорал:

– Гролом вас разрази, что вы тут делаете?!

– А что такое, Гарри? Что случилось?

– Как что случилось? Ведь солнце–то скрылось совсем, а луна взошла и вон уж куда подскочила! Вот–вот начнется светопреставление, а вы тут сидите как ни в чем не бывало, словно просто дождь идет. Выходите скорее на улицу и трижды перекреститесь во имя четырех великомучениц! Вы разве не знаете, как говорит пророчество: «Скорее наполни горшок до краев» (он, наверное, хотел сказать: не переполняйте чаши терпения). Вы что, каждый день видите, как наше светило проваливается в тартарары? Выходите скорее, говорю я вам! Взгляните на солнце и увидите, в каком ужасном оно положении. Ну, живей!

О господи, тут Джек как бросится к двери, и жена его поскакала, словно двухгодовалая кобылка. Наконец оба очутились за домом, возле перелаза через изгородь, и принялись высматривать, что не так в небе.

– Послушай, Джек, – говорит ему жена, – ты что–нибудь видишь?

– Лопни мои глаза, ничего, – отвечает он. – Разве только солнце, которое скрылось за облаками. Слава богу, ничего как будто не стряслось.

– А если не стряслось, Джек, что же такое с Гарри, ведь он всегда все знает?

– Боюсь, это все из–за свадьбы, – говорит Джек. – Между нами, не так уж благочестиво со стороны Молли выходить замуж за проклятого иноверца, и если бы только не... Но теперь уж ничего не поделаешь, хотя даже вот само солнце отказывается смотреть на такие дела.

– Ну, уж что до этого, – говорит жена, заморгав глазами, – раз Гнусу подходит наша Молли, то и слава богу. Только я–то знаю, в чьих руках будет плетка. И все–таки давай спросим Гарри, что это с солнцем.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Они тут же вернулись в дом и задали Гарри вопрос:

– Гарри, что же такое стряслось? Ведь ты один во всем свете можешь знать, что случилось.

– О! – сказал Гарри и поджал рот в кривой усмешке. – У солнца колики, его всего скрючило, но не обращайтесь внимания. Я только хотел вам сказать, что свадьба будет еще веселее, чем вы думали, вот и все. – И с этими словами он надел шляпу и вышел.

Что ж, после такого ответа оба вздохнули свободно, и, крикнув Гарри, чтобы он возвращался к обеду, Джек уселся со своей трубкой и хорошенько затянулся, а его жена, не теряя времени, завязала салфетку с пудингом и опустила его в горшок вариться.

Какое-то время все так вот и шло, спокойно и гладко. Джек попыхивал своей трубкой, а жена готовила, стряпала, словом, торопилась, как на охоте. Вдруг Джеку, – он все еще сидел, как я и сказал, устроившись поудобнее у очага, – почудилось, будто горшок шевелится, словно пританцовывает. Ему это показалось очень странным.

– Кэтти, – сказал он, – что за чертовщина у тебя в этом горшке на огне?

– Обыкновенный пудинг, и больше ничего. А почему ты спрашиваешь?

– Ого, – говорит он, – разве горшок станет ни с того ни с сего танцевать джигу, а? Гром и молния, погляди-ка на него!

Батюшки! И в самом деле горшок скакал вверх, вниз, из стороны в сторону, такую джигу отплясывал, только держись. Но любому было сразу видно, что он танцует не сам по себе, а что-то там внутри заставляет его выписывать подобные кренделя.

– Клянусь дырками моего нового пальто, – закричал Джек, – там кто-то живой, иначе горшок никогда бы не стал так подпрыгивать.

– О господи, ты, наверно, прав, Джек. Тут дело нечисто, кто-то забрался в горшок. Вот горе-то! Что же нам теперь делать?

И только она это сказала, горшок как подпрыгнет, точно прима-балерина какая-нибудь. И от такого прыжка, который утер бы нос любому учителю танцев, с горшка слетела крышка, из него собственной персоной выскочил пудинг и ну скакать по комнате, словно горошина на барабане.

Джек стал божиться, Кэтти креститься. Потом Джек закричал, а Кэтти завопила:

– Во имя всего святого, не подходи к нам! Тебя никто не хотел обижать!

Но пудинг направился прямо к Джеку, и тот вскочил сначала на стул, а потом на кухонный стол, чтобы улизнуть от пудинга. Тогда пудинг поскакал к Кэтти, и она во всю глотку стала выкрикивать свои молитвы, а этот ловкий пройдоха пудинг подскакивал и пританцовывал вокруг нее, как будто забавлялся ее испугом.

– Если б только достать мне вилы, – заговорил Джек, – я б ему показал! Я бы всю душу из него вытряс!

– Что ты, что ты! – закричала Кэтти, испугавшись, что в этом деле замешано колдовство. – Давай поговорим с ним по-хорошему. Мало ли, на что еще он способен. Ну, успокойся, – обратилась она к пу-дингу, – успокойся, миленький. Не трогай честных людей, которые даже не собирались тебя обижать. Ведь это не мы, ей-ей не мы, это старый Гарри Конноли заморозил тебя. Гоняйся за ним, если тебе так уж хочется, а меня, старуху, пожалей. Ну, тише, тише, голубчик, не за что меня так пугать, вот те крест – не за что.

Что ж, пудинг, казалось, внял словам женщины и поскакал от нее опять к Джеку. Но тот, убедившись вслед за женой, что пудинг и впрямь заколдован, а стало быть, разговаривать с ним лучше помягче, решил, подобно жене, обратиться к нему с самыми нежными словами.

– Верьте, ваша честь, – сказал Джек, – моя жена говорит сущую правду. Клянусь здоровьем, мы были бы чрезвычайно благодарны вам, если бы ваша честь немного успокоились. Конечно, мы прекрасно понимаем, не будь вы истинным джентльменом, вы вели бы себя совершенно иначе. Гарри, старый негодник, вот кто вам нужен! Он только-только прошел по этой дороге, и если ваша честь поспешит, вы его вмиг нагоните. Однако, клянусь моим отпрыском, учитель танцев не зря тратил на вас время! Всего хорошего, ваша честь. Гладенькой вам дорожки! Желаю вам не повстречаться со священником или ольдерменом! Когда Джек кончил, пудинг, казалось, понял его намек и, не торопясь, поскакал к выходу, а так как дом стоял у самой дороги, пудинг сразу же свернул к мосту по тому самому пути, которым только что прошел старый Гарри.

Само собой, конечно, Джек и Кэтти выбежали следом за ним, чтобы посмотреть, куда он пойдет, а так как день был воскресный, то, само собой, конечно, по дороге шло народу больше, чем обычно. Что верно, то верно. И когда все увидели, как Джек и его жена бегут за пудингом, вскоре, наверное, целая округа увязалась за ними.

– Что случилось, Джек Раферти? Кэтти, да скажите, наконец, что все это означает?

– Ах, это все мой праздничный пудинг! – ответила Кэтти. – Его заморозили, вот и теперь он спешит по горячим следам за... – но тут она запнулась, не желая произносить имени своего родного брата, – за тем, кто его заморозил.

Этого оказалось достаточно. Встретив поддержку, Джек снова обрел отвагу и говорит Кэтти:

– Ступай-ка ты назад! И, не мешкая, приготовь новый пудинг, да не хуже того, первого. Кстати, вот и Бриджет, жена Пэдди Скэнлена. Она предлагает тебе варить его у них дома. Ведь на своем очаге тебе придется готовить остальной обед. А сам Пэдди одолжит мне вилы, чтобы преследовать нахального беглеца до тех пор, пока с помощью моих верных соседей я не подколю его.

Все согласились с этим, и Кэтти вернулась готовить новый пудинг. А тем временем Джек и добрая половина всех жителей пустились в погоню за тем, первым, прихватив с собою лопаты, заступы, вилы, косы, цепи и прочие орудия, какие только бывают на свете. Однако пудинг неслись вперед, делая почти что шесть ирландских миль в час, – неслыханная скорость!

Католики, протестанты, пресвитерианцы – кто только не гнался за ним – и все вооруженные до зубов, как я уже говорил вам. И если б бедняга не так спешил, ему бы плохо пришлось. Но вот он подскочил, и кто-то хотел уже посадить его на вилы, да только пудинг подпрыгнул еще выше, и какой-то проныра, желая отломить от него кусок с другого боку, получил вместо пудинга вилы себе в бок. А Большой Фрэнк Фарелл, мельник из Бэллибул-тина, получил удар в спину, от которого так завопил, что слышно было, наверно, на другом конце прихода. Кто-то отведал острой косы, кто-то тяжелого цепя, а кто и легкой лопаты, от которой искры из глаз посыпались.

– Куда он идет? – спрашивал один. – Клянусь жизнью, он направляется в молитвенный дом на собрание. Да здравствуют пресвитерианцы, если только он свернет на Карнтолу.

– Душу вынуть из него надо, если он протестант, – орали другие. – Если он повернет налево, на блины раскатать его мало! Мы не потерпим у себя протестантских пудингов!

Ей-богу, добрые соседи вот-вот готовы были из-за этого уже передрались, как вдруг, на счастье, пудинг свернул в сторонку и стал спускаться по узенькой боковой тропинке, которая вела прямо к дому методистского проповедника. Ну, тут уж все партии принялись единодушно поносить методистский пудинг.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Да он вовсе методист! – закричало несколько голосов.– Но все равно, кто бы он ни был, а в методистской церкви ему сегодня не бывать. Вот мы ему сейчас покажем! Вперед, ребята, берись–ка за вилы!

И все очертя голову бросились за пудингом, но не так–то просто было схватить его. Они уж думали, что прижали его к церковной ограде, как пудинг вдруг ускользнул от них, махнул через ограду, прыгнул в реку и стал быстро–быстро уплывать, прямо у них на глазах, легкий, будто скорлупка.

А надо вам сказать, что пониже этого места, вдоль самой воды, по обоим берегам речки высилась ограда владений полковника Брэгшоу. И как только преследователи натолкнулись на такое препятствие, они тут же разошлись по домам, все до одного, и мужчины, и женщины, и даже дети, не переставая, однако, ломать себе голову, что это за пудинг такой, куда он спешит и что у него на уме.

Конечно, если б Джек Раферти и его жена вздумали поделиться с ними своим мнением, что это Гарри Конноли заморозил пудинг,– в чем они нисколько не сомневались,– бедняге Гарри пришлось бы худо от разъяренной страсти толпы. Но у них хватило ума оставить это мнение при себе,– ведь старый холостяк Гарри был верным другом семьи Раферти. И вот, само собой, поползли разные толки: одни говорили одно, другие другое; партия католиков утверждала, что пудинг ихний, а партия пресвитерианцев отрицала это и настаивала, что нет, он их веры, и все в таком роде.

А тем временем Кэтти Раферти была уже дома и, боясь опоздать к обеду, быстренько приготовила новый пудинг, точь–в–точь такой же, как тот, первый, что убежал. Потом отнесла его к соседке, в дом Пэдди Скэнлена, опустила в горшок и поставила на огонь вариться. Она надеялась, что пудинг будет готов вовремя: ведь они ожидали в гости самого пастора, а тот, как истинный европеец, совсем не прочь был отведать добрый кусок теплого пудинга.

Словом, время летело. Гнус и Молли стали мужем и женой, и более влюбленной парочки вы, наверное, не встречали. Друзья, приглашенные на свадьбу, прогуливались перед обедом, разделившись на дружественные маленькие кружки, болтали и смеялись. В центре всеобщего внимания был пудинг; все стремились установить его личность, потому что, говоря по правде, о его приключениях толковал, наверное, уже весь приход.

Обед между тем приближался. Пэдди Скэнлен сидел с женой у огня и, устроившись поудобнее, ждал, когда закипит пудинг. Вдруг к ним врывается взволнованный Гарри Конноли и кричит:

– Громом вас разрази, что вы тут делаете!

– А что такое, Гарри? Что случилось? – спрашивает миссис Скэнлен.

– Как что случилось? Ведь солнце–то скрылось совсем, а луна вон уже куда подскочила! Вот–вот начнется светопреставление, а вы тут сидите как ни в чем не бывало, словно просто дождь идет. Выходите скорее на улицу и поглядите на солнце, говорю я вам! Вот увидите, в каком ужасном оно положении. Ну, живей!

– Постой–ка, Гарри, что это у тебя торчит сзади из–под куртки, а?

– Да бегите скорей! – говорит Гарри.– И молитесь, чтоб не было светопреставления, ведь небо уж падает!

Ей–богу, трудно даже сказать, кто выскочил первым: Пэдди или его жена – так напугал их бледный и дикий вид Гарри и его безумные глаза. Они вышли из дома и принялись искать, что такого особенного в небе. Смотрели туда, смотрели сюда, но так ничего и не высмотрели, кроме яркого солнца, которое преспокойно садилось, как обычно, да ясного неба, на котором не было ни облачка.

Пэдди и его жена тут же повернули со смехом обратно, чтобы распечь как следует Гарри,– тот и в самом деле был большой шутник.

– Чтоб тебе пусто было, Гарри...– начали было они.

Но больше ничего не успели сказать, так как в дверях столкнулись с самим Гарри. Он вышел, а за ним следом из–под куртки тянулась тонкая струйка дыма, словно из печи.

– Гарри,– закричала Бриджет,– клянусь моим счастьем, у тебя горит хвост куртки! Ты ведь сгоришь! Разве не видишь, как из–под нее дым идет?

– Трижды перекрестись,– проговорил Гарри, продолжая идти и даже не оглядываясь,– ибо пророчество говорит: скорее наполни горшок до краев...

Но более ни слова до них не долетело, так как Гарри вдруг начал вести себя как человек, который несет что–то слишком горячее,– так, во всяком случае, можно было подумать, глядя на поспешность его движений и на странные гримасы, которые он строил, удаляясь от них.

– Что бы такое он мог унести под полой куртки, черт возьми? – гадал Пэдди.

– Батюшки, а не стянул ли он пудинг? – спохватилась Бриджет.– Ведь за ним водятся и не такие еще делишки.

И оба тут же заглянули в горшок, но пудинг оказался на месте – цел и невредим. Тогда они еще больше удивились: что же такое в конце концов он унес с собой?

Но откуда им было знать, чем был занят Гарри Конноли, пока они глазели на небо!

Так или иначе, а день кончился. Угощение было готово, и уже собралось избранное общество, чтобы отведать его. Пресвитер встретился с методистским проповедником еще по дороге к дому Джека Раферти. В предвкушении еды у него разгорелся дьявольский аппетит. Он прекрасно понимал, что может позволить себе этакую вольность, а потому даже настоял, чтобы методистский проповедник обедал с ним вместе. Что ж, в те времена, слава богу, священнослужители всех вероисповеданий жили в мире и согласии, не то что теперь, ну да ладно.

И вот обед уже подходил к концу, когда сам Джек Раферти спросил Кэтти про пудинг. И не успел спросить, как пудинг тут же явился, большой и важный, как походная кухня.

– Господа,– обращается ко всем Джек Раферти,– надеюсь, никто из вас не откажется отведать по ломтику пудинга. Я имею в виду, конечно, не того плясуна, который пустился сегодня путешествовать, а его славного добропорядочного близнеца, которого приготовила моя женушка.

– Будь спокоен, Джек, не откажемся! – отвечает пресвитер.– Ты положи–ка вот на эти три тарелки, что у тебя под правой рукой, по хорошему ломтю и пришли сюда, чтоб уважить духовенство, а мы уж постараемся,– продолжал он, посмеиваясь, потому что был большой весельчак и любил поострить,– мы уж постараемся показать всем хороший пример.

– От всего сердца примите мою низжайшую благодарность, господа,– сказал Джек.– Могу поручиться, что в подобных делах вы всегда показывали и, надеюсь, будете показывать нам самый лучший пример. И я только хотел бы иметь более достойное угощение, чтобы предложить его вам. Но мы ведь люди скромные, господа, и, конечно, вам вряд ли удастся найти у нас то, к чему вы привыкли в высшем

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

обществе.

– Лучше яичко сегодня,– начал методистский проповедник,– чем насадка...

«Завтра» – хотел он кончить, но запнулся, потому что, к его великому изумлению, пресвитер вдруг поднялся из-за стола, и не успел проповедник отправить в рот первую ложку пудинга и сказать Джек Робинсон ', как его пресвитерианское преподобье пустился отплясывать превеселую джигу.

В эту самую минуту вбегает в комнату соседский сын и говорит, что к ним идет приходский священник, чтобы поздравить молодых и пожелать им счастья. И только он сообщил эту радостную весть, как священник уже появился среди пирующих. Однако сей святой отец не знал, что и подумать, когда увидел пресвитера, кружащегося по комнате, словно обручальное колечко. Правда, особенно размышлять ему было некогда, потому что не успел он сесть, как тут вскакивает и методистский проповедник и, сделав руки в боки, этаким залихватским манером пускается вслед за его пресвитерианским преподобьем.

– Джек Раферти,– говорит католический отец (да, между прочим, Джек был его арендатором),– что это все означает? Я просто удивлен!

– И сам не знаю,– говорит Джек. Отведайте вот лучше этого пудинга, ваше преподобье, чтоб молодым было чем похвастать: мол, сам святой отец угощался у них на свадьбе. А ежели вы не будете, то и никто не станет.

– Ладно уж, ладно,– соглашается священник,– разве чтоб уважить молодых. Только совсем немного, пожалуйста. Однако, Джек, это настоящий разгул,– продолжал он, отправляя себе в рот полную ложку пудинга.– Что же получается, уже все напились?

– Черта с два! – отвечает Джек.– Сдается мне, эти джентльмены успели хватить где-то раньше, хотя дом мой полон вина. Куда-нибудь уже заглянули. А что я могу поделаться...

Но не успел Джек закончить, тут вдруг сам святой отец,– а он был человек такой приткий,– как подскочит на целый ярд; и не успел никто глазом моргнуть, как уже все три священнослужителя отплясывали, да так старательно, словно их нанял кто.

Ей-ей, у меня не хватает слов, чтобы описать, что сделалось с добрыми прихожанами, когда они увидели подобные дела. Некоторые давились от смеха, другие отводили в недоумении глаза; большинство считало, что преподобные отцы просто спятили, а все остальные полагали, что они, наверное, прикидываются, как это частенько с ними бывает.

– Вон их! – кричал один.– Можно со стыда сгореть, глядя на таких служителей церкви. Богохульники! Еще совсем рано, а они уже ни на кого не похожи!

– Вот так чертовщина, да что это с ними? – удивлялись другие.

– Можно подумать, их заморозил кто. Святой Моисей, вы только поглядите, какие прыжки выделяет методистский проповедник! А пресвитер-то, пресвитер! Кто бы мог подумать, что он умеет так быстро работать ногами! Ей-богу, он выкидывает коленца и отбивает чечетку не хуже самого учителя танцев Пэдди Хорегана! Смотрите-ка, и священник туда же! Ах, будь ему неладно, ведь не хочет отстать от этих заводил. Да еще в воскресенье, тыфу! Эй, господа, вы что, шуты разве? Пфф, тогда пожелаем успеха!

Но тем было не до шуток, сами понимаете. Представьте же себе, что они почувствовали, когда вдруг увидели, как и сам старый Джек Раферти тоже пустился вприпрыжку вместе с ними, да еще так лихо начал отплясывать, что даже их за пояс заткнул. Право слово, ни одно зрелище не могло бы сравниться с этим. Со всех сторон только и слышались, что смех да подбадривающие крики, все хлопали в ладоши как безумные.

Ну, а когда Джек Раферти бросил резать пудинг и вышел из-за стола, его место сразу же занял старый Гарри Конноли: для того, конечно, чтобы и дальше посылать по кругу пудинг. И только он сел, в комнату вошел – ну кто бы вы думали? – сам Барни Хартиган, волынщик.

К слову сказать, за ним посылали еще днем, но тогда его не застали дома, а потому он не получил вовремя приглашения и не смог прийти раньше.

– Ба! – удивился Барни.– Раненько вы начали, господа! К чему бы это? Но, черт подери, вы не останетесь без музыки, пока есть воздух в моей волынке!

И с этими словами он исполнил для всех «Рыбью джигу», а потом «Поцелуй меня, красотка»,– в общем, старался, как мог. Веселье разгоралось дальше – больше, ведь старый плут Гарри оставался все время у пудинга, и этого забывать не следует! Быть может, он нарочно не спешил обносить пудингом всех сразу. Первой он предложил невесте, и не успели бы вы ахнуть, как она уже отплясывала рядом с методистским проповедником, а тот, чтобы не отстать от нее, так бойко подпрыгнул, что все просто со смеху покатались. Гарри пришлось это по вкусу, и он решил тут же подобрать партнеров и остальным. Не теряя ни секунды, он роздал всем пудинг, и вот, кроме него самого да волынщика, во всем доме не осталось ни одной пары каблуков, которая не отплясывала бы так старательно, как будто от этого зависела сама жизнь.

– Барни,– не удержался Гарри,– попробуй и ты кусочек этого пудинга! Клянусь, ты в жизни не ел такого вкусного пудинга. Ну же, голубчик! Возьми вот хоть столечко. До чего ж хорош!

– Конечно, возьму,– сказал Барни.– Вот еще, от добра отказываться, не на такого напали. Только не тяни, Гарри! Ведь сам знаешь, руки у меня заняты. Разве это дело, оставлять всех без музыки? Все так хорошо под нее пляшут. Вот спасибо, Гарри! И в самом деле, знаменитый пудинг. Аи, батюшки-светы, что это...

Не успел он это выговорить – и вдруг как подскочит вместе со своей волынкой, как кинется в самую гущу танцующих.

– Ура! Вот это веселье, черт возьми! Да здравствуют жители Бэллибултина! А ну, еще разок, ваше преподобие, поверните-ка вашу даму! Так, на носок, теперь на пятку. Красота! Еще разок! Так! Ура-а-а! Да здравствует Бэллибултин и ясное небо над ним!

Более прискорбного зрелища, чем это, свет еще не видал и, наверное, не увидит. Так я полагаю. Однако худшее их ожидало еще впереди. Когда веселье было в самом разгаре, вдруг посреди танцующих появился – ну кто бы вы думали? – еще один пудинг, такой же проворный и веселенький, как тот, первый! Это было уж слишком. Все, в том числе и священники, конечно, наслышались о странном пудинге, а многие даже видели его и знали уж наверное, что он был заморожен.

Да, так вот, как я сказал, пудинг протиснулся в самую толпу танцующих. Но одного его появления оказалось достаточно: сначала три преподобных отца, приплясывая, поспешили прочь, а за ними и все свадебные гости вприпрыжечку, скорей, скорей, каждый к своему дому. И все продолжали плясать, нипочем не могли остановиться, хоть убей их.

Ну, право же, разве не грешно было смеяться над тем, как приходский священник приплясывал по дороге к своему дому, а пресвитер и методистский проповедник вприпрыжку скакали в другую сторону.

Словом, все в конце концов доплясали до своего дома и даже не запыхались. Жених с невестой доплясали до кровати. А теперь и мы с вами давайте спляшем.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Только, перед тем как сплестись, чтобы уж все было ясно, я хочу рассказать вам, что, когда Гарри пересекал в Бэллибул-тине мост, что на две мили пониже ограды владений полковника Брэгшоу, он вдруг увидел плывущий по реке пудинг. Что ж, Гарри, конечно, подождал его и, как сумел, вытащил. Пудинг выглядел совершенно свеженьким, сколько вода ни старалась. Гарри спрятал его под полу своей куртки и, как вы уже, наверное, догадались, весьма ловко подсунул его, пока Пэдди Скэнлен и его жена разглядывали небо. А новый пудинг заколдовал так же просто, как и первый – напустил на него колдовские чары, и все тут, – ведь всем хорошо было известно, что этот самый Гарри на короткой ноге с бесами.

Что ж, вот я вам и рассказал про приключения спятившего пудинга из Бэллибултина. А что произошло с ним дальше, я, пожалуй, рассказывать не стану, чтоб не соврать вам.